Островский Николай 7.XI.90

Неизвестные страницы повести «Как закалялась сталь»

1

В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ райкоме комсомола появился новый секретарь Жаркий. Павел встретился с ним в отсеке, и первое, что бросилось в глаза,— это орден. Чувство встречи Павел не смог сразу освоить, но где-то в глубине самого себя все же колыхнулась ревность. Жаркий — герой Красной Армии, тот самый Иван, который там, под Уманью, сразу начал борьбу за первенство в отваге и исполнении боевых заданий. Теперь Жаркий — секретарь райкома, его непосредственное «начальство».

Жаркий встретил Павла дружески, как старого приятеля, и Корчагин, устыдясь своего мимолетного чувства, крепко с ним поздоровался.

Работали споро и слыли друзьями. На губернской конференции от Железнодорожного райкома вошли в состав губкома комсомола двое: Павел и Жаркий. Корчагин добыл у администрации небольшую комнату; поселились в ней коммуной: Жаркий, Павел, Старовой — агитпроп коллектива и Званин — член бюро коллектива. Дни проходили в работе; лишь поздно ночью возвращались друзья домой.

Первые весточки о новой политике партии получили в губкомоле, но это были лишь обрывки, еще не сформированные. Но через несколько дней, на первой проработке тезисов, обозначились разногласия. Павел не совсем понял установку тезисов, но ушел с совещания с тяжелым чувством недоверия и сомнения. Встретился в литейном с Дударковым, приземистым мастером-коммунистом. И тот, мигая выцветшими глазами на свет, остановил Корчагина:

— Что это, в самом деле, буржуев возвращают на старое место? Говорят, магазины откроют. Торговля пойдет во всю ивановскую. В общем, били, а потом, здравствуйте, все по-старому.

Павел ему не ответил, но сомнения заползали к нему все больше и больше.

В борьбу против партии втянулся незаметно, но когда втянулся, то сразу же повел ее остро. Первое его выступление на пленуме губкома вызвало бурную дискуссию. Сразу же разделились на меньшинство и большинство. А дальше закружились больные дни Всю парторганизацию, комсомол лихорадило в дискуссионной горячке. И непримиримая позиция Корчагина и его товарищей создала в губкоме невыносимую атмосферу.

Яким, секретарь губкома, крепкий, крутолобый, весь начиненный энергией, развитой и политически, вместе с Устинович пытались индивидуально проработать вопросы с Корчагиным и его единомышленниками, но из этого ничего не вышло. Павел в упор поставил грубо и прямо следующее определение:

— Ты мне ответь, Яким, буржуазия получает права на жизнь. Я в высокой теории не разбираюсь. Я понимаю одно, что нэп — это предательство нашего дела. Не за это мы боролись, и мы, рабочие, с этим не согласны и будем против этого бороться изо всех сил. А вы, может быть, хотите буржуйскими лакеями сделаться? Пожалуйста.

Яким вскипел.

— Павел, ты пойми, что ты говоришь. Ты оскорбляешь всю партию. Ты клевещешь на нее. Ты уперся в своем фанатизме и не желаешь понять простых вещей, что, ведя дальше политику военного коммунизма, мы погубим революцию, мы дадим возможность контрреволюции поднять против нас крестьянство. Ты не желаешь этого понять. А раз ты не хочешь по-большевистски проработать этот вопрос, а угрожаешь борьбой, то мы будем бороться. Мы и так потратили на вас массу времени совершенно бесполезно.

Они расстались врагами.

После выступления на общепартийном собрании района, где приезжие из центра представители рабочей оппозиции были провалены большинством, Павел выступил с недопустимо резкой речью, с обвинением партии в предательстве.

На другой день экстренным пленумом губкома был исключен из его состава вместе с четырьмя другими товарищами. С Жарким он не разговаривал. Они были в двух разных лагерях. И Павлу удалось провалить Жаркого на собрании своего коллектива, где за Павлом шло большинство. Борьба углубилась, и в результате нее Павел был исключен из райкома и снят с секретаря коллектива. Последнее привело к бурному столкновению, и два десятка товарищей сдали свой комсомольский билет. И, наконец, Корчагин с его единомышленниками был исключен из организации.

Для него наступили мрачные дни, самые беспросветные, какие он только видел в своей жизни.

Жаркий из коммуны ушел. Выбитый из колеи, морально подавленный, Павел стоял на мостике, идущем над вокзалом, и ничего не видящими глазами смотрел вниз, где взад и вперед двигались паровозы и составы.

Его кто-то тронул за плечи. Это был Орешников, бугреватый, весь в веснушках комсомолец. Павел его недолюбливал и раньше за его пронырливость и всезнайство. Был он секретарем ячейки на кирпичном заводе.

— Что, тебя исключили? — спросил он, бегая по Павлу белесыми глазами.

— Да,— коротко ответил.

— Я всегда говорил,— заторопился Орешников.— Что ты хочешь? Ведь везде жиды сидят. Они везде пролезли, везде командуют. Им выгодно эту лавочку устроить. Ведь на фронте ты воевал, а они дома сидели. А теперь тебя исключают,— гадливо подхмыкнул.

Павел смотрел на него глазами, полными ненависти, и, чувствуя, что сейчас произойдет что-то нехорошее, не имел сил сдержать себя. Его рука схватила Орешникова за грудь, и вне себя Павел рвал его во все стороны.

— Ты, белогвардейская душа, проститутка проклятая, ты что сказал? Ты кому это сказал, кулацкая душа? Ты, гад, знаешь, что когда в моем городе белые большевиков расстреливали, так больше половины из них были евреи-рабочие? Эх, ты! С кем говорить? И ты к оппозиции примкнул? Стрелять таких гадов надо.

Орешников вырвался и полетел стремглав вниз по лестнице. А Корчагин смотрел вслед ему дикими глазами. «Так вот еще кто с нами согласен!»

Оперный театр был наполнен людьми. Они узенькими ручейками вливались во все входы и заполняли партер и ярусы. Это было объединенное заседание общегородской парторганизации совместно с комсомолом. Подводились итоги внутрипартийной борьбы.

В фойе театра и в проходе партера шли разговоры о том, что сегодня ожидают возвращения членов рабочей оппозиции партии. В переднем ряду сидели Жухрай, Устинович, Жаркий, обсуждая этот вопрос.

Председатель долго звонил. Когда зал успокоился:

— Теперь, после доклада губкома партии, даем слово представителям оппозиции в комсомоле. Слово предоставляется товарищу Корчагину.

Из последних рядов поднялась фигура в защитной гимнастерке и быстро взбежала по мостику на трибуну. Откинув голову назад, придвинулась к самому барьеру и, пробежав рукой по лбу, словно что-то вспоминая, упрямо тряхнула кудрявой головой, и обе руки крепко легли на спинку барьера...

— Товарищи! — и побежало на подъем сердце, и чувствовал — весь загорается ярким, жгучим, и почудилось, словно зал зажжен тысячами люстр; и отсвет их ожег тело. И слова страстные, как схватка, ударились в зал, и тысячи людей, когда к ним долетели эти слова, тоже стали наполняться волнением. А голос юный, звонкий, до краев наполненный неудержимой страстью энтузиазма, вспыхивал искрами. И они, эти искры, долетали до самых далеких ярусов, под самый купол свода.

— Я должен говорить сегодня о прошлом. Вы ожидаете моих слов, и я буду говорить. Я знаю, речь моя будет тревожная, и это, наверно, не политика, это речь от сердца, от всего меня, от всех тех, кого я сейчас представляю. И я буду говорить о жизни нашей, о пламени, которым горим, которое сжигает нас, как сжигает уголь гигантская глотка топки. Нашим огнем живет страна, нашим огнем республика победила, нашим огнем, нашей кровью... И мы, юные, огнем захваченные вместе с вами, жизнь видавшие, обновляли землю. Дрались жестоко под одними знаменами нашей партии великой, невиданной железной партии. Два поколения гибли в сечах, отцы и дети, два поколения собрались сейчас здесь. И ожидаете от нас, своих сподвижников, совершивших тягчайшее преступление, мятеж против своего класса, своей партии и порвавших железный закон партийной дисциплины. Ждете ответа? И за это партия отбросила нас от своих батальонов в тыл человеческой жизни, на глухие задворки.

Как могло случиться так, товарищи, что мы, опаленные огнем революции, чуть было не предали ее? Как могло это случиться? Всем вам известна история нашей борьбы, борьбы с вами, большинством партийной организации. Как могло случиться то, что мы, не отстававшие от вас в самые мрачные дни для нашей республики, подняли этот мятеж?

Воспитанные непримиримой ненавистью к буржуазии, мы приняли нэп как контрреволюцию Поворот партии к нэпу, к этой новой форме борьбы пролетариата против буржуазии, только в другой форме, на других позициях, мы приняли как предательство интересов нашего класса. Наша борьба стала еще более непримиримой, потому что среди старой гвардии большевиков были товарищи, тоже поднявшие мятеж против решения партии. И мы, молодежь, зная их долголетнюю революционную работу, шли за ними, считая их истинными революционерами-большевиками.

Оказалось, мало одного энтузиазма. мало одной преданности революции, надо уметь понять сложнейшую тактику и стратегию гигантской борьбы. Надо было понять, а это мы лишь сейчас поняли, что не всегда атака в лоб — правильная атака. Бывает, значит, и так, что такая атака — есть предательство революции. Велико же было наше ослепление, если даже имя вождя, имя товарища Ленина, повернувшее страну на новый путь, нас не останавливало. И мы, примкнувшие к рабочей оппозиции, обманутые красивой, казалось, такой правдивой борьбой за истинную революцию, бросились в комсомол, мобилизуя там силы и организовывая их против линии партии. Мы, члены бюро губкома комсомола, вам известно, после острой борьбы были исключены из его состава. Тогда мы перенесли борьбу в районы. Нас разгромили и там, но уже с большим трудом. Тогда мы укрепились по своим коллективам, где нам удалось мобилизовать за нас молодежь. И особенно упорно держался коллектив, где был секретарем я. Сопротивление наше достигло высшего напряжения, когда наш разгром в последних опорных пунктах был предрешен.

Да, товарищи, это были тяжелые для нас дни. Ведь мучительно тяжело бороться против своей партии, когда неразрешенные вопросы мутили голову и так часто вставала мысль: против кого ведешь борьбу? А до чего ведет внутрипартийная борьба, когда удары сыплются и с той и с другой стороны?

Я со стыдом позора вспоминаю один разговор. Товарищ Жухрай, наверно, помнит его. Он меня встретил на улице и привез на машине к себе. Я, отуманенный борьбой, сказал: «Раз предают революцию, мы должны бороться, даже если надо, вооруженным путем». А Жухрай ответил просто: «Тогда мы вас расстреляем, как контрреволюционеров. Смотри, Павел, ты на последней ступеньке. Еще шаг, и ты останешься по ту сторону баррикады».

Это говорил человек, для меня дорогой, мой первый учитель, человек, которого я глубоко уважаю за его мужество и твердость, человек, под руководством которого я работал в Чека. Я этих слов не забыл. И когда нас, непримиримых, исключили из рядов организации, каждому из нас стало понятно, что такое политическая смерть. Да, смерть, так как жить без партии своей мы не можем. И мы возвратились в нее, сказав ей открыто и прямо, с рабочей простотой: «Возвращай нам жизнь». Мы поняли за эти месяцы свою ошибку. Нет жизни вне партии. Это каждому из нас ясно. Нет счастья больше, как быть бойцом. Нет гордости выше, как сознание, что ты один из солдат революции. И мы никогда не уйдем из рядов

Николай ОСТРОВСКИЙ:

Какими мы были на самом деле

Часть I, глава 9 (Окончание) *.

Часть II, глава 5 (Выступление Тали Лагутиной).

КАК ЭТО ни покажется странным для некоторых сегодня, но я с убежденностью скажу то, что было таким естественным еще вчера,— сталь закалки Островского никогда не заржавеет. Не может умереть роман, впитавшийся в кровь миллионов людей на всем земном шаре верой в добро, в счастье людей, в их светлое будущее. Не уйти из памяти людей роману, который не просто прошел огонь и воду Великой Отечественной, но поднимал бойцов в атаку, заставлял выживать в застенках концентрационных лагерей, пробуждал силы там, где их, казалось бы, неоткуда было взять. Невозможно погибнуть роману, проросшему, как весенняя трава в поле, в душах людей одним желанием сделать их чище, добрее, сильнее.

Роман «Как закалялась сталь» и сегодня действует на каждого, если даже он этого не замечает, если даже слышал о Павке Корчагине через пятое на десятое...

Но странное дело — когда все вышесказанное стало очевидным почти во всех уголках земли, вдруг опять послышались голоса: «А зачем это нам нужно?», «Да так ли мы закалялись?», «Да сам ли Островский писал свой роман?», «Зачем нам Павка сегодня?».

Дорогие друзья, все эти вопросы уже задавались в те далекие тридцатые годы, когда впервые появился роман «Как закалялась сталь».

В 1954 году на заседании комиссии по литературному наследию Н. Островского при обсуждении готовящегося к переизданию текста романа «Как закалялась сталь» предлагались некоторые изменения, считавшиеся членами комиссии допустимыми, несмотря на то, что автора текста давно уже не было в живых. В числе этих изменений были и такие, которые объяснялись в протоколе просто: «Изменить по конъюнктурным соображениям». По этой причине выпали из текста имена секретарей ЦК ВЛКСМ Косарева и Чаплина, военачальников Якира, Блюхера, Жлобы, то есть лиц, репрессированных уже после смерти Островского. Множество страниц, целые главы рукописи, вычеркнутые в то время редакторами, до сих пор неизвестны читателю.

До сих пор ведутся споры: хотел ли сам Островский делать купюры в рукописи, делал ли их собственной рукой? Да, в ответе на критику Б. Дайреджиева писатель утверждал, что сам выбрасывал все лишнее. Что ж, вполне возможно, что выбрасывал, но все ли сам? В письме А. А. Жигиревой 20 мая 1932 года Островский сетует по поводу первой публикации романа в журнале «Молодая гвардия»: «Конец книги срезали: очень большая получилась — нет бумаги. Повырезали кое-где для сокращения, немного покалечили книгу, но что поделаешь — первый шаг».

Уже была написана вторая часть, и рукопись отправили редактору — Анне Караваевой. Получив замечания старшего товарища и внеся соответствующие поправки, Островский пишет ей 11 августа 1933 года:

«Год с лишним напряженной работы отнял у меня все физические силы. Их у меня хватает лишь для тщательной правки и освобождения рукописи от путаных мест. В первых трех главах твои пометки карандашом значительно помогли мне в этом. В следующих главах руководжусь «инстинктом».

Скажу еще раз — ваше мнение для меня решающее. Я признаю, что вторая книга не такова, какой я хотел бы ее видеть, и, несомненно, когда будут силы, я возьмусь за капитальную переработку книги. Сейчас же передо мной два препятствия: усталость и еще ряд вещей, объединенных под общим названием «экономический кризис». Вот почему я должен на сей раз уступить и примириться с изданием книги, исправленной в соответствии с требованиями издательства «Молодая гвардия».

Это письмо публиковалось, но многие исследователи, словно под гипнозом, не замечали слов «экономический кризис» и «должен уступить». Писатель явно был недоволен вынужденными сокращениями, и потому в первое издание на украинском языке вставляет многие страницы, исключенные из русского издания. В этом же, украинском, как и в первом русском, издании сохраняется упоминание о возврате Корчагина в комсомол и дается его пламенная речь в защиту партии, однако не публикуется конец первой части романа, имеющийся в рукописи, где рассказывается о том, как Павел Корчагин примкнул к «Рабочей оппозиции».

Действительно, Островский сам просил К. Д. Трофимова (в то время главного редактора издательства «Молодой большевик».— Евг. Б.) «зачеркнуть Павла в рабочей оппозиции, и в соответствии с этим зачеркнуть строки в последующих страницах, которые об этом так или иначе напоминают».

Но случайно ли пришло такое решение Островскому? Оказывается, нет. В письме редактору издательства «Молодая гвардия» И. А. Гориной 4 мая 1935 года он пишет: «Снять начало первой главы советовал мне целый ряд большевиков. Незачем крепкому комсомольцу путаться в оппозиции. Эпизод случаен».

Когда Анна Караваева прислала свои замечания по поводу рукописи второй части «Как закалялась сталь», Островский тут же сел за работу и написал ей по этому поводу:

«...Основная линия последних глав — это показ одного из большевиков, Павла Корчагина, и его товарищей такими, какими они были на самом деле, без выкрутасов. Вообще же, автобиографическая повесть мучительно трудная вещь».

«Автобиографическая повесть». Островский не раз говорил, что, работая над книгой, находился в плену фактов. Он писал то, что знал и видел. И хорошо, что архивы все-таки сохранили для нас страницы романа, которым пришло время заговорить во весь голос так, как писатель хотел.

Евг. БУЗНИ.

26

2

дивидуально проработать вопросы с Корчагиным и его единомышленниками, но из этого ничего не вышло. Павел в упор поставил грубо и прямо следующее определение:

— Ты мне ответь, Яким, буржуазия получает права на жизнь. Я в высокой теории не разбираюсь. Я понимаю одно, что нэп — это предательство нашего дела. Не за это мы боролись, и мы, рабочие, с этим не согласны и будем против этого бороться изо всех сил. А вы, может быть, хотите буржуйскими лакеями сделаться? Пожалуйста.

Яким вскипел.

— Павел, ты пойми, что ты говоришь. Ты оскорбляешь всю партию. Ты клевещешь на нее. Ты уперся в своем фанатизме и не желаешь понять простых вещей, что, ведя дальше политику военного коммунизма, мы погубим революцию, мы дадим возможность контрреволюции поднять против нас крестьянство. Ты не желаешь этого понять. А раз ты не хочешь по-большевистски проработать этот вопрос, а угрожаешь борьбой, то мы будем бороться. Мы и так потратили на вас массу времени совершенно бесполезно.

Они расстались врагами.

После выступления на общепартийном собрании района, где приезжие из центра представители рабочей оппозиции были провалены большинством, Павел выступил с недопустимо резкой речью, с обвинением партии в предательстве.

На другой день экстренным пленумом губкома был исключен из его состава вместе с четырьмя другими товарищами. С Жарким он не разговаривал. Они были в двух разных лагерях. И Павлу удалось провалить Жаркого на собрании своего коллектива, где за Павлом шло большинство. Борьба углубилась, и в результате нее Павел был исключен из райкома и снят с секретаря коллектива. Последнее привело к бурному столкновению, и два десятка товарищей сдали свой комсомольский билет. И, наконец, Корчагин с его единомышленниками был исключен из организации.

Для него наступили мрачные дни, самые беспросветные, какие он только видел в своей жизни.

Жаркий из коммуны ушел. Выбитый из колеи, морально подавленный, Павел стоял на мостике, идущем над вокзалом, и ничего не видящими глазами смотрел вниз, где взад и вперед двигались паровозы и составы.

Его кто-то тронул за плечи. Это был Орешников, бугреватый, весь в веснушках комсомолец. Павел его недолюбливал и раньше за

3

его пронырливость и всезнайство. Был он секретарем ячейки на кирпичном заводе.

— Что, тебя исключили? — спросил он, бегая по Павлу белесыми глазами.

— Да,— коротко ответил.

— Я всегда говорил,— заторопился Орешников.— Что ты хочешь? Ведь везде жиды сидят. Они везде пролезли, везде командуют. Им выгодно эту лавочку устроить. Ведь на фронте ты воевал, а они дома сидели. А теперь тебя исключают,— гадливо подхмыкнул.

Павел смотрел на него глазами, полными ненависти, и, чувствуя, что сейчас произойдет что-то нехорошее, не имел сил сдержать себя. Его рука схватила Орешникова за грудь, и вне себя Павел рвал его во все стороны.

— Ты, белогвардейская душа, проститутка проклятая, ты что сказал? Ты кому это сказал, кулацкая душа? Ты, гад, знаешь, что когда в моем городе белые большевиков расстреливали, так больше половины из них были евреи-рабочие? Эх, ты! С кем говорить? И ты к оппозиции примкнул? Стрелять таких гадов надо.

Орешников вырвался и полетел стремглав вниз по лестнице. А Корчагин смотрел вслед ему дикими глазами. «Так вот еще кто с нами согласен!»

Оперный театр был наполнен людьми. Они узенькими ручейками вливались во все входы и заполняли партер и ярусы. Это было объединенное заседание общегородской парторганизации совместно с комсомолом. Подводились итоги внутрипартийной борьбы.

В фойе театра и в проходе партера шли разговоры о том, что сегодня ожидают возвращения членов рабочей оппозиции партии. В переднем ряду сидели Жухрай, Устинович, Жаркий, обсуждая этот вопрос.

Председатель долго звонил. Когда зал успокоился:

— Теперь, после доклада губкома партии, даем слово представителям оппозиции в комсомоле. Слово предоставляется товарищу Корчагину.

Из последних рядов поднялась фигура в защитной гимнастерке и быстро взбежала по мостику на трибуну. Откинув голову назад, придвинулась к самому барьеру и, пробежав рукой по лбу, словно что-то вспоминая, упрямо тряхнула кудрявой головой, и обе руки крепко легли на спинку барьера...

— Товарищи! — и побежало на подъем сердце, и чувствовал — весь загорается ярким, жгучим, и почудилось, словно зал зажжен ты-

4

сячами люстр; и отсвет их ожег тело. И слова страстные, как схватка, ударились в зал, и тысячи людей, когда к ним долетели эти слова, тоже стали наполняться волнением. А голос юный, звонкий, до краев наполненный неудержимой страстью энтузиазма, вспыхивал искрами. И они, эти искры, долетали до самых далеких ярусов, под самый купол свода.

— Я должен говорить сегодня о прошлом. Вы ожидаете моих слов, и я буду говорить. Я знаю, речь моя будет тревожная, и это, наверно, не политика, это речь от сердца, от всего меня, от всех тех, кого я сейчас представляю. И я буду говорить о жизни нашей, о пламени, которым горим, которое сжигает нас, как сжигает уголь гигантская глотка топки. Нашим огнем живет страна, нашим огнем республика победила, нашим огнем, нашей кровью... И мы, юные, огнем захваченные вместе с вами, жизнь видавшие, обновляли землю. Дрались жестоко под одними знаменами нашей партии великой, невиданной железной партии. Два поколения гибли в сечах, отцы и дети, два поколения собрались сейчас здесь. И ожидаете от нас, своих сподвижников, совершивших тягчайшее преступление, мятеж против своего класса, своей партии и порвавших железный закон партийной дисциплины. Ждете ответа? И за это партия отбросила нас от своих батальонов в тыл человеческой жизни, на глухие задворки.

Как могло случиться так, товарищи, что мы, опаленные огнем революции, чуть было не предали ее? Как могло это случиться? Всем вам известна история нашей борьбы, борьбы с вами, большинством партийной организации. Как могло случиться то, что мы, не отстававшие от вас в самые мрачные дни для нашей республики, подняли этот мятеж?

Воспитанные непримиримой ненавистью к буржуазии, мы приняли нэп как контрреволюцию Поворот партии к нэпу, к этой новой форме борьбы пролетариата против буржуазии, только в другой форме, на других позициях, мы приняли как предательство интересов нашего класса. Наша борьба стала еще более непримиримой, потому что среди старой гвардии большевиков были товарищи, тоже поднявшие мятеж против решения партии. И мы, молодежь, зная их долголетнюю революционную работу, шли за ними, считая их истинными революционерами-большевиками.

Оказалось, мало одного энтузиазма. мало одной преданности революции, надо уметь понять сложнейшую тактику и стратегию гигантской

5

борьбы. Надо было понять, а это мы лишь сейчас поняли, что не всегда атака в лоб — правильная атака. Бывает, значит, и так, что такая атака — есть предательство революции. Велико же было наше ослепление, если даже имя вождя, имя товарища Ленина, повернувшее страну на новый путь, нас не останавливало. И мы, примкнувшие к рабочей оппозиции, обманутые красивой, казалось, такой правдивой борьбой за истинную революцию, бросились в комсомол, мобилизуя там силы и организовывая их против линии партии. Мы, члены бюро губкома комсомола, вам известно, после острой борьбы были исключены из его состава. Тогда мы перенесли борьбу в районы. Нас разгромили и там, но уже с большим трудом. Тогда мы укрепились по своим коллективам, где нам удалось мобилизовать за нас молодежь. И особенно упорно держался коллектив, где был секретарем я. Сопротивление наше достигло высшего напряжения, когда наш разгром в последних опорных пунктах был предрешен.

Да, товарищи, это были тяжелые для нас дни. Ведь мучительно тяжело бороться против своей партии, когда неразрешенные вопросы мутили голову и так часто вставала мысль: против кого ведешь борьбу? А до чего ведет внутрипартийная борьба, когда удары сыплются и с той и с другой стороны?

Я со стыдом позора вспоминаю один разговор. Товарищ Жухрай, наверно, помнит его. Он меня встретил на улице и привез на машине к себе. Я, отуманенный борьбой, сказал: «Раз предают революцию, мы должны бороться, даже если надо, вооруженным путем». А Жухрай ответил просто: «Тогда мы вас расстреляем, как контрреволюционеров. Смотри, Павел, ты на последней ступеньке. Еще шаг, и ты останешься по ту сторону баррикады».

Это говорил человек, для меня дорогой, мой первый учитель, человек, которого я глубоко уважаю за его мужество и твердость, человек, под руководством которого я работал в Чека. Я этих слов не забыл. И когда нас, непримиримых, исключили из рядов организации, каждому из нас стало понятно, что такое политическая смерть. Да, смерть, так как жить без партии своей мы не можем. И мы возвратились в нее, сказав ей открыто и прямо, с рабочей простотой: «Возвращай нам жизнь». Мы поняли за эти месяцы свою ошибку. Нет жизни вне партии. Это каждому из нас ясно. Нет счастья больше, как быть бойцом. Нет гордости выше, как сознание, что ты один из солдат революции. И мы никогда не уйдем из рядов

6

восставшего пролетариата. Нет ничего дорогого, что бы мы не отдали партии. Все: жизнь, семью, личное счастье — все отдадим нашей партии великой.

И партия нам открыла двери, и мы опять среди вас, семьи могучей, нашей семьи. И вместе с вами страну разоренную, кровью залитую, обнищалую и голодную, страну, кровью наших друзей и товарищей вспоенную, восстанавливать будем вместе. А то, что было, для нас будет последним испытанием на крепость

Пусть же жизнь живет, и наши руки вместе с миллионами рук завтра же начнут возрождать разгромленный наш дом. Пусть жизнь живет, товарищи! Мы мир возродим заново! Разве могут не победить те, сердца которых мощное динамо! И мы победим.

Павел задохнулся, весь дрожа, сошел с трибуны. А зал дрогнул и загремел оглушительным всплеском, словно стены треснули в основании их и валились на партер. А волны криков сбрасывались от купола вниз, и мелькали тысячи рук, и весь зал бурлил, словно кипящий котел.

*) Частично было опубликовано в первом издании, полностью исключено из пятого канонического и всех последующих изданий. Тексты даются без редакторской обработки. Орфография и синтаксис современные.

* * *

НАПРЯЖЕННО гудя электромотором, вагон трамвая карабкался вверх по Фундуклеевской. У оперного театра остановился. Из него высадилась группа молодежи, и вагон снова пополз вверх.

Панкратов поторапливал отстающих:

— Пошли, ребята. Факт, мы опоздали.

Окунев догнал его уже у самого входа в театр.

— Помнишь, Генька, три года назад мы с тобой таким же манером сюда пришли. Тогда Корчагин и Дубава к нам возвращались. Хороший был вечер. А сегодня опять с Дубавой драться будем.

Панкратов ответил Окуневу уже в зале, куда они вошли, показав свои мандаты стоявшей у входа контрольной группе:

— Да, с Митяем история повторилась опять на этом самом месте.

На них зашикали. Пришлось занимать ближайшие места — вечернее заседание конференции уже открылось. На трибуне женская фигура

7

— В самый раз. Сиди и слушай, что женушка скажет,— шепнул Панкратов, толкая Окунева локтем в бок.

— ...Правда, на дискуссию у нас ушло много сил, но зато молодежь, участвовавшая в ней, многому научилась. Мы с большим удовлетворением отмечаем тот факт, что в нашей организации разгром сторонников Троцкого налицо. Они не могут пожаловаться, что им не дали высказаться, полностью изложить свои взгляды. Нет, вышло даже наоборот: свобода действий, которую они у нас получили, привела к целому ряду грубейших нарушений партийной дисциплины с их стороны.

Таля волновалась, локон волос спадал на лицо и мешал говорить. Она рывком откинула голову назад.

— Мы слыхали здесь многих товарищей из районов, и все они говорили о тех методах, которыми пользовались троцкисты. Здесь на конференции оппозиционеры представлены в порядочном количестве. Районы сознательно дали им мандаты, чтобы еще раз здесь, на городской партконференции, выслушать их. Не наша вина, если они мало выступают. Полный разгром в районах и в ячейках кое-чему научил их. Трудно сейчас вот с этой трибуны выступить и повторить то, что они говорили еще вчера.

Из правого угла партера Талю прервал чей-то резкий голос:

— Мы еще скажем.

Лагутина повернулась.

— Что же, Дубава, выйди и скажи, мы послушаем,— предложила она.

Дубава остановил на ней тяжелый взгляд и нервно скривил губы.

— Придет время — скажем! — крикнул он и вспомнил о вчерашнем тяжелом поражении в своем районе, где его знали.

По залу пронесся ропот. Панкратов не выдержал:

— Что, еще раз думаете партию трясти?

Дубава узнал его голос, но даже не обернулся, только больно закусил губу и опустил голову.

Таля продолжала:

— Ярким примером, как нарушают троцкисты партийную дисциплину, может служить хотя бы Дубава. Он наш старый комсомольский работник, многие знают его, арсенальцы в особенности. Дубава — студент Харьковского коммунистического университета, но мы все знаем, что он уже три недели находится здесь вместе с Шумским. Что привело их сюда в разгар занятий в университете? Нет ни одного района в городе, где бы они не выступали. Правда, Михайло последние дни стал отрезвляться. Кто их сюда послал? Кроме них, у нас целый ряд троцкистов из различных организаций. Все они когда-то здесь работали и сейчас приехали, чтобы разжечь огонь внутрипартийной борьбы. Знает ли партийная организация об их местопребывании? Конечно, нет.

8

Из зала донесся голос Шумского:

— Поневоле кустарничаем, у нас аппарата нет.

Послышался хохот. Шумский сам смеялся. Шутка Михайлы на минуту разрядила напряженную атмосферу. Конференция ждала от троцкистов выступления с признанием своих ошибок. Ведь много общего было между этими четырьмястами, что составляли городскую конференцию, и теми товарищами, которые вели против большинства такую ожесточенную борьбу. Но непримиримость оппозиционной группировки и резкие нападки на руководство партии и комсомола — все это день за днем стирало эту общность, и на конференцию подавляющее большинство и обособленное меньшинство пришли отчужденными. И все же, выступи сейчас Дубава, Шумский и остальные с чистосердечным признанием своих ошибок, примирение было бы возможно, но этого не произошло.

Таля пыталась найти пути-дороги к этому признанию:

— Помните, товарищи, три года тому назад в этом самом театре к нам возвращался товарищ Дубава с бывшей группой рабочей оппозиции? Помните слова Корчагина, которые ему поручил сказать также и товарищ Дубава: «Никогда партийного знамени из рук своих не уроним»? А не прошло три года, как товарищ Дубава его уронил. Ведь слова «Мы еще скажем» говорят за то, что он и его товарищи пойдут дальше.

Я возвращаюсь к выступлению Дубавы на Печерской райконференции. Вот что он говорил. Читаю стенограмму:

«Молодежь не допускается к партийному руководству. Комитеты везде назначаются сверху, а партийный аппарат закостенел и обюрократился. Мы имеем все признаки перерождения старых работников. Надо разбить узаконенную привилегию руководить партией только этой группе профессиональных администраторов. Мы должны влить свежую кровь в дряхлеющее тело партийного аппарата, молодую кровь. Но аппарат отчаянно защищает свое право на власть. Вот почему на товарища

9

Троцкого обрушилась эта административная машина, когда он не побоялся сказать, что молодежь — это барометр партии».

Шум в зале усилился. С задних кресел донеслось:

— Пусть Туфта о барометре скажет, он у них за метеоролога.

Раздались возбужденные голоса:

— Хватит шуточек!

— Пусть ответят: прекращают они борьбу с партией или нет?

— Пусть скажут, кто написал антипартийную декларацию!

Возбуждение нарастало, председательствующий долго звонил.

В шуме голосов слова Тали терялись, но вскоре буря улеглась, и Лагутину снова стало слышно:

— Троцкисты жалуются, что их жестоко потрепали. А чего они ожидали? Партия и комсомол за последние годы идейно выросли и окрепли. И мы можем только гордиться, что молодой партийный актив в своем большинстве встретил троцкистов в штыки. А когда дискуссия перешла в широкие партийные массы, троцкистов разбили там еще жестче. Командные кадры не дали себя провести демагогам и фразерам. Не наша вина, если товарищи Дубава и Шумский не нашли сторонников среди своих многочисленных друзей.

В двадцать первом году Шумский вместе с нами боролся против Дубавы. Теперь они единомышленники. Цветаев примыкал к рабочей оппозиции, теперь он опять против нас. Староверов шатается из одной стороны в другую. (В рукописи зачеркнута фраза «Борьба нас закалила», но она поясняет дальнейшее.— **Автор публикации Евг. Б.**). Молодежь вырастает идейно.

Я хочу еще сказать вот о чем. Мы получаем с периферии письма от наших товарищей. Они с нами, и это нас воодушевляет. Мы ведь одна семья, и потеря каждого товарища для нас больна. Разрешите мне прочесть отрывок одного письма. Оно от Ольги Юреневой, ее здесь многие знают, она сейчас заворготделом окружкома комсомола.

Таля вынула из пачки бумаг листок и, пробежав его глазами, прочла: «Практическая работа заброшена, уже четвертый день все бюро в районах, троцкисты развернули борьбу с небывалой остротой. Вчера произошел случай, возмутивший всю организацию. Оппозиционеры, не получив в городе большинства ни в одной ячейке, решили дать бой объединенными силами в ячейке окрвоенкомата, в которую входят коммунисты окрплана и рабпроса. В ячейке сорок два человека, но сюда собрались все троцкисты. Мы еще не слыхали таких антипартийных речей, как на этом заседании. Один из военкоматских выступил и прямо сказал:

10

«Мы шли за Троцким в гражданскую войну. Если нужно, пойдем и теперь. Иногда для оздоровления организма необходима хирургия. Если партийный аппарат не сдастся, мы его сломаем силой».

Оппозиционеры встретили эту речь аплодисментами. Тогда выступил Корчагин со страстной речью. Я ее не могу передать в целом. Но он открыл лицо оппозиционеров, посмевших замахнуться саблей на партию рабочего класса.

«Как могли вы аплодировать этому фашисту, будучи членами партии большевиков?» — бросил он оппозиционерам.

Корчагину не давали дальше говорить: стучали стульями, кричали: «Аппаратчик! Бюрократ! Комсомольский чиновник!»

Некоторые члены ячейки, возмущенные наплывом на их заседание стольких «чужих», требовали выслушать Корчагина, и, когда Павел стал опять говорить, ему вновь устроили обструкцию.

Павел кричал им:

— Хороша же ваша демократия. Я все равно буду говорить, хотя бы для тех, кто еще не угорел от троцкистского чада.

Тогда несколько человек схватили его и пытались стянуть с трибуны. Получилось что-то дикое. Павел отбивался и продолжал говорить, но его выволокли за сцену, и, открыв боковую дверь, бросили на лестницу. Какой-то подлец разбил ему в кровь лицо. Почти вся ячейка ушла с собрания.

Этот случай оттолкнул от оппозиционеров многих».

Таля опустила руку с листком и заговорила возбужденно:

— Мы, сегаленцы, с глубоким удовлетворением узнаем, что Павка Корчагин с нами.

В зале сорвались крики, на миг перемешавшиеся. Только несколько из них можно было разобрать:

— Они за демократию кулаками дерутся.

— Пусть скажут, на чем они кончат.

Время Тали истекло — она оставила трибуну.

Публикация подготовлена Евг. БУЗНИ.

НА СНИМКЕ: Николай Островский (фото публикуется впервые).